

КАЗАРМА

ПОВЕСТЬ

Источник: [Круг: Альманах артели писателей. М.; Л. Круг. 1925. \[Кн.\] 4.](#) Стр. 117 - 197.

Мобилизация - предварительная смерть... Мокрый от слез на морозе поцелуй жены - и вот - я, не я, стою перед высокой лестницей на виадуке через пути. Морозно. Зеленый свет высоких фонарей. Хлопотня крикливых паровозов. По лестнице вверх серый солдатский ручей. Звякают, поблескивая штыки. Скрипят ступени под новыми сапогами. Крики: "Вот они - Карпаты!" И я с саквояжем в одной руке и с постелью в ремнях в другой, вливаюсь в серый поток и лезу на Карпаты.

У платформы - поезд для маршевой роты - теплушки. Нас, только что взятых, повезут в другом поезде, в "Максиме Горьком", как тут именуют IV класс.

Проиграла труба. У паровоза стал оркестр. Поезд с эшелонном с натугой сдвинулся с места. Оркестр играет все одно и то же колено из веселого и бодрого марша. Мимо проплывают вагоны; из раскрытых дверей машут серыми папахами, и - крики "ура". Седой старик стоит у пути и снимает шапку перед каждым вагоном, низко кланяется. Красный глаз последнего вагона. Оркестр смолк и ушел. Подают поезд для нас.

С руготней и дракой в вагоны лезут "черные" с холщевыми мешками за спиной, с сундуками, котомками, чемоданами... В вагоне темно и холодно. В окна - зеленый неверный свет... Рядом со мной провожают: мать и жена. Старуха мерно причитает, словно читает стихи нынешний поэт. Прислонясь в уголок, прислушиваюсь, настраивая себя на лад иронии, и слышу в потоке слов: "Какая эта трудная минуточка". Хочу усмехнуться и не могу удержать слез... А тот, низко уронив голову, сморкается громко и угрюмо повторяет уж который раз: "Идите с господом домой". Звонок. Жена к нему припала, и оба зашлись в бесконечном поцелуе. Расстались и простились без слов и слез.

Три звонкие капли колокольных ударов. Вагоны дрогнули, и морозно заскрипели под колесами рельсы. "Теперь мы выпьем ханжи?" - "Я не пью". - "Я знаю!" Он достает из корзинки бутылку квасу и большой флакон из-под вежеталя, полный фиолетового спирта. Откупорил квас, прилил туда денатурата, взболтнул, прижав перстом. Из бутылки фонтаном брызнуло прямо мне в лицо вонючей ханжой. Отираюсь смиренно. Он наливает в кружку, пьет и мучительно кричит. Долго кашляет и бранится. Повеселел. - "Что, хорошо?" - "Не хвалю!" - "Рвет с нее?" - "Всяко бывает!"

Баба-кондуктор поставила в фонарь свечу. "Огонька" достали кто откуда, как и мой сосед, все спутники. Затопили печь. И стало жарко так, что в кармане пальто у меня размякли и потекли конфеты, которые на дорогу кто-то мне сунул в карман...

В проходе у стены, схватясь за грудь и выпуча налитые кровью глаза, блюет, судя по одежде хитрованец, оборванный, в опорках. Из него хлещет на пол и стену, как из брандспойта. Где-то на верхней полке запели дико и нескладно: "Последний нынешний денечек".

У каких-то без имени станций поезд без расписания стоит долго. В вагоне - духота. Кричат: "Холодно! Что нас заморозить хотят". У печки груды антрацита - пошли ломать изгородь станционного сада. Трещат ломаемые доски и крашенные весело плавают в печи... С третьего этажа нар один загремел вниз. "Эй, вставай, не до смерти разбился!" Встает и начинает по загаженному полу в присядку: "Вот как картошку копают!" "Молодчина!" В углу бритый, опухший орет с одышкой: "Ельник, подъяльник - это не дрова. Любит жену мельник - это не беда".

Брежит день в мохнатые от инея окна. И все еще: "Ельник, подъяльник - это не дрова", но все ближе наша станция. Мой сосед расторговался ханжой. У кубов на станциях хвосты с чайниками: "Кипяток кипит". Какая повсюду грязная, загаженная вода! Попив чайку, пригорюнились, поют: "Прислонясь к стене, безутешно рыдал". А как же мельник?

* * *

4-го ноября. На "Калитниковском" некто бритый, в погонах военного зауряд-чиновника, надо